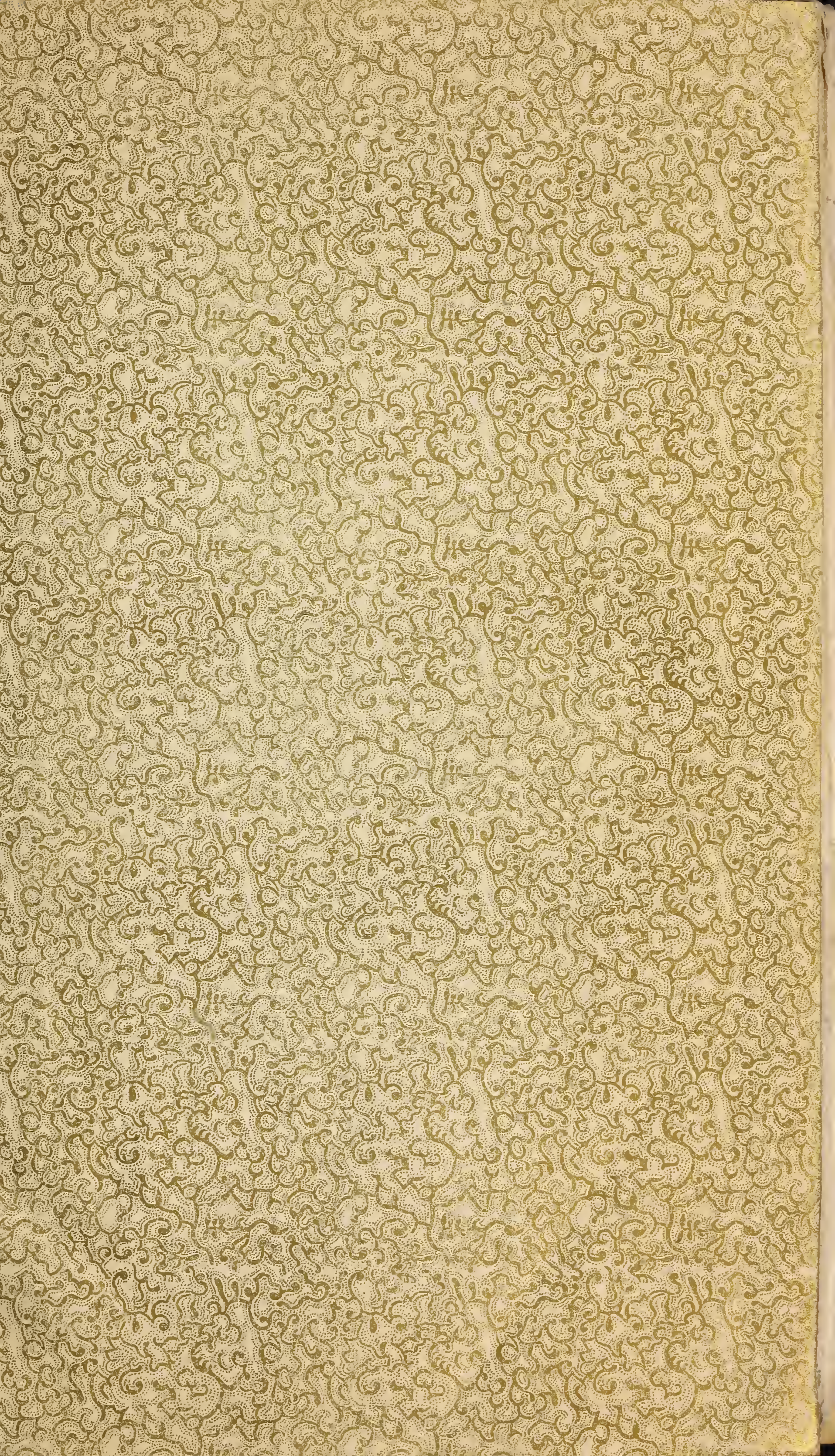

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ

МИХАИЛА ДЕЛАРЮ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Delarîu, Mikhail Danilovich

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ

МИХАИЛА ДЕЛАРЮ.

Donnez-moi une ame qui aime,
elle comprendra ce que je dis.
St. Augustin.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1835.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 12го Февраля 1835.

Цензоръ В. Семеновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опечатки.

Стр.	*Стих.*	*Напечатано:*	*Читай:*
11	3	Воздухъ сталъ душенъ,	Воздухъ сгущенный сталъ душенъ,
146	6	думъ его	его думъ

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ДЕЛЬВИГУ.

Внемли же нынѣ, тѣнь Поэта,
Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ!

Языковъ.

Все, что отъ отроческихъ дней
И юношества дней кипучихъ,
Въ порывахъ нѣжныхъ иль могучихъ,
Исторглось изъ груди моей:
Веселья кликъ, и вопль печали,
И славы рокотъ громовой,
Чѣмъ струны сердца трепетали,
Что волновало духъ порой, —
Все въ даръ тебѣ, товарищъ милой,

*

Краса и честь родныхъ пѣвцовъ, —
Надъ раннею твоей могилой
Какъ горсть безвременныхъ цвѣтовъ!
Прими же дань благодаренья
И сердца голосу внемли,
Какъ внемлетъ Ангелъ гласъ моленья
Скитальца сираго земли!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРОЗА.

Скрылося солнце за горы, и сумрачный вечеръ на
землю
Тихо слеталъ, разстилая сѣдые туманы грядами;
Воздухъ сталъ душенъ, и дождь начиналъ вырываться
Съ шумомъ изъ тучъ, заслонившихъ лазоревый сводъ
небосклона.
Вотъ все темнѣй и темнѣй; вотъ ужь скрылись
отъ взоровъ во мракѣ
Кровли низменныхъ хижинъ, крытыя легкой соломой;
Вотъ по туманному небу молнья змiей пролетѣла:
Все освѣтилось, словно пожаромъ; вслѣдъ за
сiяньемъ

Громъ загремѣлъ надъ полями, и эхо въ горахъ пробудилось.

Вѣтеръ со свистомъ промчался надъ крайнею хижиной; ставни

Съ шумомъ захлопнулись; кровля едва удержалась отъ вѣтра.

Тамъ на скамейкѣ сидѣлъ, къ окну прислонившись спиною,

Старецъ; довольство сіяло въ очахъ, не потушенныхъ горемъ;

Иней годовъ разсыпался по мягкимъ кудрямъ, и сѣдая

Важно спускалась брада до чреслъ почтеннаго старца.

Пастырь духовный села, онъ свершивши во храмѣ моленье,

Мирно теперь наслаждался покоемъ, ничѣмъ нерушимымъ.

Возлѣ него забавлялся, играя, еще малолѣтній,

Внукъ, раздѣлявшій и радость и горе съ наставникомъ дѣдомъ.

Въ правомъ углу, предъ иконами Спаса и Дѣвы Пречистой,

Теплилась тускло лампада, мгновенно свой свѣтъ проливая

То на оклады иконъ, то на честныя дѣда сѣдины.

Въ сладкомъ забвенiи старецъ не слышалъ, какъ вѣтра порывы
Сильно свистѣли въ окно и вздымали ветхую кровлю.
Онъ, казалось, мечтой пролеталъ минувшее время:
Горе и радость мѣнялись на ясномъ челѣ, и порою
Тихо улыбка уста озаряла мгновеннымъ сiяньемъ.
Громъ вдругъ сильнѣе ударилъ, и молнья въ окнѣ показалась:
Старецъ вздрогнулъ; но спокойствiе снова и миръ водворились
Въ чистой душѣ. Онъ знаменье сдѣлалъ креста, и молитву
Тихо сказавъ, погрузился въ задумчивость. Внукъ же отъ страха
Крѣпко прижался ко груди его; по ланитамъ бѣжали
Слезы горячей струею; отрока грудь волновалась;
Весь онъ дрожалъ, словно листъ, при каждомъ ударѣ громовомъ.
Дѣдъ успокоить старался его; но усилiя тщетны
Были. Внукъ безутѣшно рыдалъ, орошая слезами

Бѣлую, снѣгоподобную, длинную бороду старца.

Дѣдъ.

Что съ тобою, дитя мое? Весь ты дрожишь и такъ дико
Смотришь на все; погляди веселѣе на стараго дѣда!
Любитъ тебя онъ, какъ душу; все для тебя радъ онъ сдѣлать!
Полно, мой другъ, не упрямься!.. Грѣхъ!.. прогнѣвляешь уныньемъ
Бога: Онъ все для блаженства творитъ и не любитъ унынья.

Внукъ.

Дѣдушка, страшно!.. Гроза!..

Дѣдъ.

Но развѣ грозы ты боишься?
Богъ вѣдь ее посылаетъ для насъ же, чтобъ воздухъ очиститъ.
Самъ ты увидишь: лишь только гроза пролетитъ, то и небо

Чище и радостнѣй будетъ; деревья, опять распустивши
Свѣжія листья, прохладой повѣютъ, и вновь земледѣльца
Будутъ манить на покой подъ свои безмятежныя сѣни.
Громъ лишь ужасенъ порочнымъ; но чистое сердце спокойно
Слышитъ грозу и приноситъ Творцу своему благодарность
За ниспосланье дождя и за свѣжесть въ природѣ. — Но слушай!
Вѣрно ты грѣхъ сотворилъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога?
Дѣду признайся во всемъ, не скрывай ничего; не то худо!
Совѣсть чиста ли въ тебѣ?

Внукъ.

Ахъ, дѣдушка! вижу причину
Страха. Не скроюсь ни въ чемъ предъ тобою. Сегодня по утру
Старый Миронъ проходилъ и просилъ у меня подаянья;

Я же ему отказалъ, промолвя суровое слово.

Вспомнилъ теперь я поступокъ свой. Жалко мнѣ стало Мирона!

Бѣдный старикъ!.. Я подумалъ, что Богъ для меня въ наказанье

Бурю такую послалъ... Но завтра же съ ранней зарею

Сбѣгаю къ бѣдному старцу; дамъ ему все, что имѣю:

Онъ не злопамятенъ; онъ мнѣ проститъ неразумный поступокъ...

Внукъ замолчалъ, и слеза покатилась по жаркой ланитѣ.

Дѣдъ же съ радостью слушалъ раскаянье милаго внука;

Обнялъ его, и съ слезами промолвилъ мудрое слово:

»Будь добродѣтеленъ, другъ мой! Господь не замедлитъ счастливымъ

Сдѣлать тебя, когда не оставишь въ бѣдѣ несчастливца!«

Тучи промчались, и громъ въ отдаленьи умолкнулъ. Природа

Въ новой красѣ, какъ невѣста явилась. По чистой лазури

Съ хоромъ полуночныхъ звѣздъ луна величаво, какъ лебедь,
Тихо плыветъ, разсѣкая лучами остатки тумана.
Вотъ на востокѣ лазурь запылала, и огненный пурпуръ
Вдругъ осіялъ небосклонъ, и заря румяной рукою
Солнцу путь указала. На небѣ, очищенномъ бурей,
Утро явилось; съ нимъ вся земля воскресла въ сіяньи.
Такъ на челѣ изможженномъ страдальца является радость
Послѣ долгой сердечной грозы; разгоняетъ печали,
Сердцу отраду даетъ, и убитый горемъ страдалецъ
Снова живетъ, и улыбка уста его озаряетъ...
Птички радостнымъ хоромъ встрѣтили утро, и снова
Въ чистой лазури кружатся и сыплютъ волшебныя трели.
Все оживилося съ утромъ. — Въ хижинѣ было спокойно:
Старецъ одинъ тамъ сидѣлъ, Царя Пѣснопѣвца читая.

Внукъ же, съ ранней зарею оставивъ родимую кровлю,

Богъ вѣсть куда убѣжалъ; но чело старика было ясно:

Сердце сказало ему, гдѣ въ то время былъ отрокъ любимый.

ПАДШІЙ СЕРАФИМЪ.

Гонимый грознымъ приговоромъ,
За райскимъ огненнымъ затворомъ
Скитался падшій Серафимъ,
Не смѣя возмущеннымъ взоромъ
Взывать къ обителямъ святымъ.
Ему владѣющій вселенной,
Творецъ міровъ и горнихъ Силъ,
За духъ кичливый и надменной
Перуномъ крылья опалилъ:
Съ тѣхъ поръ, кляня существованье,

Творца и все Его созданье,
Вдали эдема онъ бродилъ.
Тоскою сердце въ немъ кипѣло,
Надежды чистый лучъ изчезъ . . .
Но вотъ однажды отъ небесъ
Къ нему раскаянье слетѣло
И сердце хладное согрѣло
Своей небесной теплотой:
Съ улыбкой нѣжной сострраданья,
Давно забытыя мечтанья
Надъ нимъ взроилися толпой . . .
 Поникнувъ мрачной головою,
Въ раздумьи тяжкомъ онъ стоялъ;
Его тоскующей душою
Какой-то трепетъ обладалъ.
»Увы!« отверженный сказалъ:
»Не мнѣ блистать въ эдемскомъ свѣтѣ,
»Не мнѣ Предвѣчнаго любовь!
»Я крылья опалилъ въ полетѣ —
«Могу ль летѣть къ эдему вновь?«

Сказалъ, и слезъ ручей обильный
Ланиты блѣдныя свѣжитъ:
Такъ цвѣтъ увядшій надмогильный
Роса небесная живитъ.
И что же? Дивной красотою
Его шесть крыльевъ вновь цвѣтутъ,
И онъ летитъ .... туда, гдѣ ждутъ
Прощенныхъ милостью святою.

РОЗА.

Мой другъ! погляди,
Какъ роза младая
Груститъ, увядая
На нѣжной груди....
— Таинственной силой,
Цвѣтокъ! оживи,
И снова живи
Для радости милой,
Для сладкой любви! —
Но роза не внемлетъ...
На звуки мои

Главы не подъемлетъ,
И съ нѣгою дремлетъ
На лонѣ любви.
»О юноша!« мнится,
Сквозь легкаго сна
Мнѣ вѣетъ она:
»Пусть рокъ мой свершится!
Но я не грущу:
Я думою страстной
У лона прекрасной
Могилы ищу!«

КЪ ***

При врученіи стихотвореній Барона Дельвига.

Вручая вамъ стихотворенья
Пѣвца, любезнаго богамъ,
Я возсылаю къ небесамъ
Мои усердныя моленья,
Да жизни вашей всѣ мгновенья
Промчатся въ радостяхъ живыхъ:
Игривы, чужды усыпленья,
Безпечны, полны вдохновенья,
Какъ Дельвига счастливый стихъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ

М. Ѳ. Бартоломей.

Подъ хранительною сѣнью,
Безъ печалей, безъ заботъ,
Какъ цвѣтокъ въ саду подъ тѣнью,
Ваша молодость цвѣтетъ.
Розой щеки ваши рдѣютъ . . .
Съ ней вы схожи и душой:
Ароматомъ розы вѣютъ
Думы дѣвы молодой.

КЪ ГЕНІЮ.

Гость благодатный! для чего ты
Приманкой сладостныхъ рѣчей
Велишь возстать душѣ моей
Отъ продолжительной дремоты?
За чѣмъ твой вдохновенный видъ
Своей небесной красотою
Къ странѣ надземной за собою
Земнаго странника манитъ?
На мигъ единый очарованъ
Сіяньемъ звѣздной синевы,

Духъ встрепенется; но увы!
Къ темницѣ грустной онъ прикованъ,
И разорвать оковъ нѣтъ силъ!
Такъ древле вождь отпавшихъ Силъ,
Въ минуту сладкаго забвенья
О краѣ вспомнивши родномъ,
Взмахнулъ опущеннымъ крыломъ;
Но опаленное Творцомъ,
Крыло повисло безъ движенья
Надъ мощнымъ Демона плечомъ.

ДАФНА.

Hei mihi, quod nullis amor est medicabilis herbis!

Ovid. Nason. Metamorph. L. I. v. 523.

(*Посвящ. Д. А. и Н. С. Деларю.*)

Пѣснь первая.

Было блаженное время, когда на землѣ вѣчноюной
Мирно цвѣли, не заботясь о счастьи, счастливые люди.
Счастье само низлетало къ нимъ съ неба, и миръ благодатный
Въ тихихъ семьяхъ разцвѣталъ, и довольствомъ ланиты алѣли;
Чистой любовью дышали и небо, и море, и суша;
Люди, еще незнакомые съ злобой и съ завистью лютой,

Братьямъ любезнымъ подобно, жили въ согласіи дружномъ.

Все на землѣ процвѣтало для счастья: роскошное небо

Вѣяло вѣчной весною на злачные холмы и долы;

Сладко плоды улыбались на стройныхъ деревьяхъ и легкій

Быстро порхалъ мотылекъ, блистая лазурью и златомъ:

Къ юному цвѣту прильнувши, онъ засыпалъ, упиваясь

Сладкою влагой, безъ страха застигнутымъ быть на ночлегѣ.

Гдѣ жь то счастливое время? — Увы! улетѣло, умчалось

Съ проклятой Зевсомъ земли; но сладко о немъ вспоминанье!

(Такъ ароматъ многоцѣнный, оставя хрусталь свой душистый,

Въ свѣтломъ эѳирѣ летя, изчезаетъ; но долго плѣняетъ

Чувства чудесною нѣгой, подобно амврозіи сладкой.)

Міромъ въ то время владѣлъ всемогущій Эротъ; онъ съ Олимпа

Лилъ блаженство на всѣхъ, и предъ волей его преклонялись

Зевсъ-громовержецъ и самъ Айдоней, богъ мрачный Айдеса.

Міръ наслаждался покоемъ... Но вдругъ великое чудо

Всѣхъ поразило... Незапно сраженный сыномъ Латоны —

Мирной земли возмутитель, твореніе мстительной Геры —

Дерзкій Пиѳонъ издыхалъ, наполняя окрестности воплемъ;

Въ кольца согнувшись, крутился, и вырвать стремился изъ сердца

Хладную сталь; но усилія тщетныя! поздно спасенье!

Мощна длань Аполлона, и мѣтки безсмертныхъ удары! —

Славной побѣдой гордясь, направляетъ полетъ свой къ Олимпу

Зевса могучаго сынъ. На встрѣчу ему, распустивши

Легкія крылья, несется державный Эротъ: за спиною

Дивный привѣшенъ колчанъ со страшными свѣту стрѣлами.

»Немощный богъ, удались! Иль не знаешь, сколь сильны удары
Сына Латоны?.. Поди посмотри на Пиѳона: увидишь,
Чьи смертоноснѣе язвы! Оставь управленіе міра
Тѣмъ, кто сражаетъ чудовищъ и міръ весь отъ бѣдствій спасаетъ.
Ты же мнѣ не опасенъ! Пронзай своими стрѣлами
Слабыя смертныхъ сердца, упиваясь ихъ долгимъ мученьемъ!«
Такъ говорилъ Аполлонъ, презирая силу Эрота.
Хочетъ еще продолжать; но у сына младаго Киприды
Гнѣвъ загорѣлся въ очахъ, и колчанъ зазвучалъ за плечами.
— »Смѣешь ли ты (воскликнулъ Эротъ) посмѣваться надъ властью
Бога, которому все покоряется въ мірѣ!... Узнаешь
Силу десницы моей!« Сказалъ и, свой лукъ натянувши,
Взялъ двѣ стрѣлы изъ колчана... (Ужасныя стрѣлы!... какъ быстро,
Съ лука спустясь, несутся онѣ!.. Одна золотая

Съ острымъ концемъ: она зажигаетъ любовь и раждаетъ
Въ сердцѣ и муку и сладость. Другая, съ концемъ припупленнымъ —
Свѣтлымъ одѣта свинцомъ: она раздѣляетъ два сердца.)
Вотъ ужь стрѣла золотая въ грудь Аполлона вонзилась . . .
Снова лукъ зазвенѣлъ: и другая несется по волѣ
Вѣрныхъ законовъ судьбы, разсѣкаетъ сіянье эѳира,
Быстро летитъ и вонзается въ сердце невинное Дафны . . .
Дафна, дѣва прелестная, дочь молодая Пенея,
Радость старца отца, едва изъ объятій природы
Вырвалась съ чистой, небесной душою и съ сердцемъ небеснымъ.
Прелестей всѣхъ сочетанье сіяло въ плѣнительной дѣвѣ:
Свѣжій румянецъ игралъ на лилейныхъ ланитахъ — и небо
Въ ясной лазури очей отражалось, какъ въ чистомъ потокѣ;
Розы дышали въ устахъ, и по плечамъ прелестнымъ бѣжали

Кудри златыми волнами, въ душистыя кольца свиваясь.

Тихо одежда струилась по гибкому, стройному стану,

Сжатому поясомъ легкимъ, подаркомъ сѣдаго Пенея.

Все плѣняло въ Дафнѣ, все къ ней сердца привлекало . . .

Дафна одна лишь не знала, что боги ее надѣлили

Всѣми дарами любви и душой непорочной и милой;

Легкимъ полетомъ на лонѣ свободы и счастья летѣли

Дни беззаботные дѣвы прелестной — и сны золотые

Съ тихой, привѣтной улыбкой вились надъ безпечной главою.

Счастлива юная дѣва, если вкушаетъ блаженство

Нѣжной, взаимной любви съ юношей милымъ; пріятно,

Сладко промолвить впервые: »люблю« и устами младыми

Первый принять поцѣлуй, взаимнымъ жаромъ горящій . . . .

Но невинная Дафна не знала сердечной тревоги.

Часто Пеней, обнимая ее, говорилъ со слезами:

»Милая дочь! для чего ты не хочешь утѣшить Пенея

Узами чистой любви?.. Для чего ты не выберешь друга

Съ сердцемъ, достойнымъ тебя? Ахъ, зачѣмъ навсегда ты лишаешь

Сладкой утѣхи отца, цѣловать съ умиленьемъ малютокъ

Свѣжихъ, какъ вешнее утро, и матери милой подобныхъ?

Грустно взирать мнѣ на свѣтъ: все въ природѣ любовію дышетъ,

Все наслаждается счастьемъ семейственнымъ; я же (несчастный!)

Въ мiрѣ одинъ не могу прижимать охладѣлой рукою

Внуковъ-младенцевъ, съ надеждой узрѣть въ нихъ блаженство прямое.«

Слезы катились у Дафны, и свѣжiй румянецъ живѣе

Въ миломъ лицѣ разгорался, лишь только отецъ огорченный

Рѣчь заводилъ о супругѣ. — »Родитель! она отвѣчала,

Къ персямъ его прижимаясь, зачѣмъ непремѣнно желаешь
Дафнѣ супруга избрать? — Мнѣ никто не замѣнитъ Пенея!
Лучше позволь навсегда мнѣ съ тобою остаться, не зная
Узъ принужденныхъ любви, подобно стыдливой Діанѣ.« —
Старецъ Пеней преклонялся на просьбы ея, и младая
Дѣва въ тиши разцвѣтала, какъ юная роза въ теплицѣ.
Сердцу невинному сладко взирать на дѣянья безсмертныхъ:
Все въ нихъ душѣ говоритъ, все плѣняетъ и трогаетъ чувство;
Такъ и прелестная Дафна съ ранней зарей оставляла
Ложе покоя, желая насытить невинные взоры
Зрѣлищемъ дивнымъ природы, когда на лазури небесной
Свѣтлый является день и блѣднѣетъ свѣтило ночное.
Тамъ межъ цвѣтами (сама несравненный цвѣтокъ) любовалась

Зевса дѣяньямъ высокимъ и въ гротъ возвратясь, усыпала

Тихое ложе Пенея цвѣтами, чтобъ старца видѣнья

Сладостнѣй были предъ утромъ, чтобъ теплое ложе покинувъ,

Встрѣченъ онъ былъ благовоннымъ запахомъ травъ ароматныхъ.

Въ полдень, когда надъ усталой землею пылаетъ и блещетъ

Знойное солнце, спѣшили къ Пенею, укрыться отъ зноя

Въ гротѣ прохладномъ: и тихій Амфризъ, и Сперхій съ главою

Тополемъ мирнымъ вѣнчанной, и богъ Апиданъ, и бурливый

Съ сердцемъ живымъ Энипей, и Инакъ; (онъ къ Пенею

Дружбой святой пламенѣлъ. Казалось, что боги нарочно

Милыхъ дѣтей имъ пославши, участь одну же послали.)

Тамъ на душистой травѣ возлегали они и съ Пенеемъ

Вкусный дѣлили обѣдъ; а младая прелестная Дафна

Чашу съ кипящимъ виномъ подносила богамъ — и привѣтной,
Милой улыбкой, какъ Геба, къ веселію всѣхъ приглашала.
Взоры боговъ устремлялись на Дафну; отъ вздоховъ невольныхъ
Чаши поверхность струилась, и Бахуса даръ благодатный
Часто уста миновавъ, на дернъ молодой изливался.
Дѣва розой пылала; а старецъ Пеней со слезами
Зевсу усердно мольбы возсылалъ о дочери милой...

Такъ пролетали мгновенья — и горе, казалось, не смѣло
Грота коснуться... Но воля судьбы сокровенна отъ взоровъ!
Можетъ ли кто похвалиться, что счастьемъ вполнѣ насладился?
Ловимъ мы счастье, но тѣнь лишь его остается предъ нами...
Такъ упоенный любовью, въ мечтаньяхъ таинственныхъ ночи
Видитъ плѣнительный образъ... видитъ: уста улыбнулись;

Въ пылкомъ восторгѣ стремится къ нему; но мечта исчезаетъ . . .

Все вокругъ ложа покойно . . . лишь сердце сильнѣе забилось,

Лишь предъ очами плѣнительный ликъ и улыбка мелькаютъ . . .

Пѣснь вторая.

Гдѣ то счастливое время, о Дафна! когда наслаждалось

Сердце твое безмятежнымъ покоемъ и все восхищало

Тихую душу твою? — Увы! навсегда отлетѣло

Счастье отъ юнаго сердца съ тѣхъ поръ, какъ пылающій мщеньемъ,

Бросилъ ужасныя стрѣлы Эротъ! . . . О! простите на вѣки,

Дѣвы невинной забавы и вы, усладители муки,

Сладкія слезы при зрѣлищѣ дивныхъ созданій природы!

Нѣтъ, не можете вы услаждать мученій сердечныхъ!

Острой стрѣлою Эрота сраженный съ Олимпа, скипался
Въ долахъ Ѳессаліи богъ лучезарный. — Чуждый веселью,
Тамъ, съ невѣдомой грустью въ душѣ, онъ бродилъ одинокій,
Сладостной лирой прохладныя сѣни пещеръ оглашая.
Тамъ предназначено было ему непреклонной судьбою
Муку любви испытать . . . О, несчастный! онъ видѣлъ однажды
Юную Дафну — (она удалилась отъ грота, надѣясь
Сердцу больному подать облегченье свободной тоскою) —
Видѣлъ — и сердце прекраснаго бога забилось любовью . . .
Все, что радуетъ душу, все, что жизнь услаждаетъ,
Въ чувствѣ единомъ слилось, и образъ плѣнительный, чудный,
Живо въ душѣ его впечатлѣлся съ тѣхъ поръ, какъ младая
Дѣва предстала предъ нимъ. Съ тѣхъ поръ навсегда уже сердце

*

Отдалъ онъ Дафнѣ . . . Но что же ? — Дафна, покорная волѣ
Мощнаго сына Кипридыг любовь Аполлона презрѣла.
Тщетно сіяла предъ ней красота лучезарнаго бога,
Тщетно искусныя длани изъ струнъ золотыхъ извлекали
Сладкіе звуки любви; ничто не плѣняло жестокой!...
Быстро летѣли мгновенья — и съ каждой зарею сильнѣе
Въ богѣ свѣтила дневнаго къ дѣвѣ любовь разгоралась;
Сердце страдальца томилось,—а мстящій Эротъ съ восхищеньемъ
Видѣлъ жертву свою — и новыя стрѣлы готовилъ...
Вотъ однажды прелестная Дафна, оставя жилище
Старца Пенея, бродила по злачному брегу Амфриза:
Дафна не знала, что въ рощѣ, на брегѣ Амфриза цвѣтущей,
Богъ влюбленный скрывался, прихода ея ожидая!...
»Свѣтлымъ Олимпомъ клянусь, (воскликнулъ изгнанникъ Олимпа,

Дафну младую узрѣвши,) клянусь вѣчнольющимся Стиксомъ,

Нѣтъ! я не зрѣлъ красоты ей подобной! — Какая стыдливость

Въ нѣжно-умильномъ лицѣ! какъ небрежно играетъ съ Зефиромъ

Шелкъ ароматныхъ кудрей и, подъ легкимъ покровомъ волнуясь,

Дышутъ любовью и нѣгой лилейныя перси прелестной!...

Кто же, о дѣва! изъ смертныхъ осмѣлится дерзкой рукою

Съ прелестей тайныхъ завѣсу сорвать и любовью твоею

Жажду любви утолить?.. О, Ѳессаліи цвѣтъ несравненный!

Нѣтъ, изъ смертныхъ никто!..«

Съ симъ словомъ, исполненный страсти,

Бросился къ ней Аполлонъ... Но напрасно! — она лишь узрѣла

Бога свѣтила дневнаго, какъ, серны пустынной быстрѣе,

Къ гроту помчалась... за ней Аполлонъ... но напрасной мольбою

Дѣвы не могъ удержать...

« О прекрасная Дафна! за чѣмъ ты

(Такъ говорилъ онъ), меня убѣгаешь? за чѣмъ ты не хочешь

Сердцу влюбленнаго бога любовью взаимной отвѣтить?

Дафна! о милая Дафна! взгляни, какъ любовью взаимной

Все здѣсь цвѣтетъ! посмотри, какъ на розѣ роскошно-душистой

Томную нѣгу впиваетъ златый мотылекъ — и крылами

Свѣжій листочикъ обнявъ, наслаждается сладкимъ забвеньемъ!

Все насъ къ любви приглашаетъ: и темная сѣнь винограда,

И прохлада пещеръ, и роптанье ручьевъ сладкозвучныхъ!..

Дафна! прелестная дѣва! постой!.. Но увы! ты не хочешь

Жалобамъ сердца внимать: ихъ разноситъ Зефиръ легкокрылый!..

Вижу (но поздно!) державный Эротъ, сколь ты силенъ.. О горе!

Горе тому, кто неопытнымъ сердцемъ твой гнѣвъ навлекаетъ!
Горе и мнѣ! не найду излеченья для раны сердечной!«
Такъ онъ страданья свои выражалъ; — но боясь, чтобы Дафна
Язвами ногъ на бѣгу не покрыла, — то бѣга стремленье
Вдругъ умѣрялъ Аполлонъ, — то влекомый кипящею страстью,
Гнался за дѣвой быстрѣе и жаркимъ, неровнымъ дыханьемъ
Кудри ея волновалъ, и ужь дланью до стана касался . . .
Такъ за пугливой голубкой ястребъ голодный несется:
Хищные когти свои раздвигая, ужь съ крыльевъ широкихъ
Холодомъ вѣетъ на бѣдную жертву — и горе несчастной,
Если вблизи нѣтъ пріюта, гдѣ бъ скрыться отъ хищника злаго! —

Солнце склонялось на Западъ, прощальнымъ лучемъ озлащая

Гротъ тотъ прохладный, гдѣ старецъ Пеней, преклоняся на урну
Важнымъ челомъ, увѣнчаннымъ осокой, сидѣлъ, — и съ сердечной,
Тайной тоскою взиралъ на сѣдыя, шумящія волны...
Гротъ тотъ изсѣченъ былъ въ мшистой скалѣ: передъ входомъ шумѣли
Главы столѣтнихъ дубовъ; а подъ ними, какъ жаркія перси
Дѣвъ полногрудыхъ, цвѣтущихъ юности первой цвѣтами,
Сочныя грозди кустовъ виноградныхъ, румяныя, рдѣли.
Раковинъ радужнымъ слоемъ блистала вся внутренность грота,
Полъ же былъ устланъ травой благовонной, на коей стояли
Чаши изъ тыквъ плоскодонныхъ, кипящія сокомъ блестящимъ,
Даромъ прекраснаго Вакха, любимца безсмертныхъ и смертныхъ.
Долго Пеней ожидалъ возвращенія дочери милой:
Сердце часъ отъ часу болѣ предчувствіямъ злымъ предавалось;

Грустью томилась душа... Но что жь предъ очами Пенея?

О несказанное горе! Прекрасная Дафна стремится

Грота достичь; но вотще! Аполлонъ, окрыленный любовью,

Дланью ужь станъ обхватилъ...

»Всемогущіе боги! за чѣмъ вы

Дѣву опасной красой надѣлили? (Такъ свѣтлыя очи

Къ небу поднявши, пеняла прекрасная Дафна.) Возмите

Даръ свой ужасный! не нуженъ мнѣ онъ!.. Но если судьбою

Дафнѣ назначено въ грусти окончить свой вѣкъ безотрадный,

Лучше меня превратите въ цвѣтущее древо, чтобъ вѣчно

Здѣсь близъ отца я цвѣла и страданья его услаждала!«

Хочетъ мольбу продолжать; но (о чудо!) языкъ костенѣетъ!

Хочетъ бѣжать; но прелестныя ноги къ землѣ прирастая,

Корни глубоко пускаютъ — и бьется ужь жизнь
подъ землею...

Нѣжное тѣло мягкой корой покрывается; руки,

Къ небу простертыя, въ зелень одѣвшись, кача-
ютъ вѣтьвями...

Кудри злапые подъемлются съ юной главы, пре-
врапившись

Въ листья цвѣтущіе лавра — и съ ропотомъ въ
воздухѣ вѣютъ...

Видѣлъ ужасное чудо Пеней. Отъ глубокой печали

Рѣчь на устахъ старика замерла — и водные токи

Хлынули съ шумомъ изъ влажныхъ, потухшихъ
очей полубога....

Страстью живой упоенъ, Аполлонъ ужь надѣялся
вскорѣ

Дафну съ любовью къ горячему сердцу прижать;
но лишь только

Дланью воздушный онъ станъ обхватилъ, какъ
предъ бога очами

Страшное чудо свершилось... не Дафну, а лавръ
величавый

Обняли длани: подъ ними лишь сердце холодное
билось...

Чудомъ шакимъ пораженный, стоялъ передъ лавромъ безмолвенъ,
Богъ Аполлонъ. Но вдругъ запылали ланиты, и слезы, —
Жаркія слезы любви осребрили прекрасныя очи.
» Дафна! — воскликнулъ онъ съ грустью, — о милая Дафна! простишь ли
Мнѣ несчастье свое? .. я довольно наказанъ любовью. —
Такъ, ты простишь мнѣ; но слушай: если гнѣвной судьбою
Намъ не назначено было любовью дышать: хоть позволь мнѣ
Лиру мою лавровою вязью украсить, чтобъ вѣчно
Въ память она приводила мнѣ милую Дафну! Да будетъ
Лавръ украшеньемъ героевъ и мною пѣвцовъ вдохновенныхъ!..
Знаю: — (предвѣденья даръ мнѣ низпосланъ Зевесомъ) — чредою
Вѣки промчатся — и счастье прекрасной Эллады исчезнетъ:
Грустью одѣнутся рощи и радости свѣтлой не будетъ

Въ злачныхъ долинахъ сихъ. Такъ рѣшено непремѣнной судьбою!
Долго Элладѣ страдать!.. Но незапно, изъ странъ отдаленныхъ
Сѣвера мрачнаго, явится смѣлый герой, предводитель
Сонма героевъ, имя свое отъ славы пріявшихъ:
Онъ избавителемъ будетъ Эллады отъ горестныхъ бѣдствій!
О, ты узнаешь его! — Какъ высокая пальма, онъ строенъ;
Взоръ проницательно быстръ — и надъ юной главою пылаетъ
Геній безсмертья святой!.. Поспѣши же тогда ты украсить
Лавромъ младое чело полубога и имъ предводимыхъ.«

Только лишь кончилъ слова сіи Фебъ, какъ кудрявой вершиной
Лавръ зашумѣлъ — и, какъ будто на просьбу его соглашаясь,
Долу блестящіе листья склонилъ, и бога сокрылъ въ нихъ...

Эпилогъ.

Есть въ мѣстахъ сокровенныхъ долина. Тамъ вѣчной весною
Зелень кудрявыхъ деревьевъ цвѣтетъ; тамъ лазурное небо
Пламенно, живо, какъ первый любви поцѣлуй; тамъ средь нѣги
Дышетъ царица цвѣтовъ и изъ чистаго лона струею
Точитъ по воздуху свой ароматъ... О, блаженъ кто порою
Видѣлъ, какъ рѣзвыя Нимфы въ долинѣ волшебной той стройно
Пляшутъ подъ пѣнье влюбленныхъ Сатировъ и Фавновъ мохнатыхъ!
Помню: младенца меня, мой наставникъ — Сатиръ козлоногій
Часто въ долину водилъ. Вкругъ него собирались, рѣзвяся,
Роемъ шумящимъ прелестныя Нимфы и пляской чудесной
Мяли цвѣтущій долины коверъ; а Сатиръ на свирѣли

Пѣсни наигрывалъ имъ про Зевеса, про Леду, про
Дафну.

Я же съ вниманіемъ слушалъ и полонъ былъ дивнымъ волненьемъ;

Крѣпко мнѣ въ душу запала чудесная пѣсня про
Дафну!

Часто слабой рукой пріявши свирѣль, я старался

Звуки ей тѣ же вдохнуть; но душа порывалась
напрасно!

Долго не могъ передать я свирѣли той пѣсни волшебной:

Душу стѣсняла тоска!... Но настало святое
мгновенье!

О! какъ забилося сердце, когда подъ моими перстами,

Первые стройные звуки свирѣль издала! о, какъ
сильно

Грудь взволновалась тогда! и слеза осребрила рѣсницу...

ГОРОДЪ.

Холодный свѣтъ, юдоль заботъ,
Твой блескъ, твой шумъ не для Поэта!
Душа его не обрѣтетъ
Въ тебѣ отзывнаго привѣта!
Отъ свѣта, гдѣ лишь умъ блеститъ,
Хладѣетъ сердца упоенье,
И скрывъ пылающій свой видъ,
Въ пустыни дикія бѣжитъ
Испуганное вдохновенье.

МЕФИСТОФЕЛЮ.

Враждебный духъ, оставь меня!
Твои зловѣщіе разсказы
Душѣ тлетворнѣе заразы,
Опустошительнѣй огня!
Твой взоръ угрюмый и печальной
Мятежнымъ пламенемъ облитъ,
Твой голосъ стонетъ и гремитъ
Напѣвомъ пѣсни погребальной...
И даже въ тотъ священный мигъ,
Когда въ восторгахъ молодыхъ

Въ свои любовныя объятья
Хотѣлъ бы всю природу сжать я,
Въ устахъ насмѣшливыхъ твоихъ
Кипятъ укоры и проклятья...
И бурныя слова твои
Грозой могучей завываютъ
И міръ восторговъ, міръ любви,
Въ покровы гроба облекаютъ...
О, удались, молю тебя!
Еще мой духъ живой и сильной
Лелѣетъ мощная судьба
Своей улыбкою умильной;
Еще доступна грудь моя
Слезамъ любви и вдохновеній,
И чистоты сердечной Геній
Не позванъ небомъ отъ меня!

СЛЕЗА ЛЮБВИ.

(*Посвящ. Б. С. М. Дельвигъ.*)

Въ сладостный вечера часъ, при свѣтѣ луны одинокой,
Видѣлъ я въ чащѣ вѣтвей юную дѣву: она,
Очи къ небу поднявъ и руки на перси сложивши,
Сердцемъ далече неслась... Вдругъ на лилейныхъ щекахъ
Вспыхнули розы живѣе, и взоръ умиленно-спокойный
Дѣвы зардѣлся слезой, свѣтлой какъ Ангела мысль:

Ангелъ любви подлетѣлъ къ молящейся дѣвѣ, и тихо
Взявъ святую слезу, къ небу направилъ полетъ.

---

*

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

Ангелъ-хранитель, внемли мольбу умиленнаго сердца!
Будь покровителемъ юноши въ бурномъ житейскомъ волненьи;
Сердце отъ ранъ огради, и помысловъ чистыхъ, высокихъ,
Душу исполни мою! Когда же болѣзненнымъ хладомъ
Сердце сожмется, повѣй на него теплотою отрадной,
Да не изсохнетъ оно подъ дыханьемъ бездушнаго свѣта!
О, не покинь меня и во снѣ ты; но съ умиленьемъ

Тихо къ возглавью приникнувъ, мой сонъ осѣняй,
и со крыльевъ

Вѣй благодатью на тѣло и духъ мой: пусть
утѣшенье

Сны золотые вливаютъ въ грудь молодаго счаст-
ливца!

Если жь порокъ поднесетъ мнѣ сосудъ свой, ис-
полненный желчи,

Ангелъ-хранитель, не дай устамъ прикоснуться
къ оправѣ!

Буйное сердце уйми: пусть токомъ кровавымъ об-
лившись,

Черныя думы искупитъ оно живымъ сокрушеньемъ;

И въ минуту раскаянья, о мой небесный товарищъ,

Въ мощныя длани пріявши меня, умчись въ без-
предѣльность...

ТРИ СОНЕТА.

(*Посвящ. А. С. Левашовой.*)

I.

Къ Волгѣ.

Неси меня, Волга, къ роднымъ берегамъ,
Гдѣ свѣтлыя воды рѣки незабвенной
Клубятся, играютъ волной опѣненной
По нивамъ цвѣтущимъ, по злачнымъ лугамъ.

Неси меня, Волга, къ роднымъ берегамъ,
Въ тотъ городъ, для сердца Поэта священной,
Гдѣ юный Державинъ рукой вдохновенной
Впервые коснулся громовымъ струнамъ.

За тѣнью святою не тщетно хочу я
Изъ струнъ окриленныхъ восторгъ вызывать,
Не тщетно на душу легла благодать, —

И скоро, быть можетъ, волненье почуя,
Какъ буря по свѣту въ громахъ пролечу я
И грозно заставлю порокъ трепетать!

II.

Къ бюсту Державина.

Державинъ! Державинъ! твой ликъ предо мной,
Богато облитый огнемъ вдохновенья,
Какъ призракъ чудесный святаго видѣнья,
Сверкаетъ и блещетъ небесной красой.

Державинъ! Державинъ! твой ликъ предо мной;
Но гдѣ же, исполненный силъ и стремленья,
Твой духъ величавый? Въ красѣ ли творенья
Безсмертье онъ черпаетъ полной струей?

Изъ радугъ ли ткетъ золотые покровы?
Въ зарѣ ли купаясь, зарею горитъ?
На громы ль возлегши, по небу паритъ?

Иль, сбросивъ съ презрѣньемъ мірскіе оковы,
У дивнаго трона Владыки-Еговы
Хвалы ему въ пѣсни безсмертной гремитъ?

III.

Поэтъ.

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ братій
Пѣвецъ вдохновенный душою гоститъ:
Взлелѣянный небомъ, онъ къ небу паритъ
И алчетъ высокихъ духовныхъ зачатій.

Народныхъ похвалъ и народныхъ проклятій
Кликъ яростный слуха его не смутитъ:
Спокоенъ и гордъ, онъ на землю глядитъ
Изъ отчаго лона небесныхъ объятій.

И неба глаголы, бѣжа по струнамъ,
Звучатъ про святое его назначенье;
Но только свершится земное служенье, —

Отважно довѣрясь могучимъ крыламъ,
Сынъ неба умчится къ надзвѣзднымъ странамъ
И съ Ангельскимъ ликомъ сольетъ свое пѣнье.

КЪ НЕВѢ.

Снова узрѣлъ я, Нева, твой токъ величаво-
спокойный;

Снова, какъ юная дѣва въ объятьяхъ любовника
страстныхъ,

Ты предо мною трепещешь, лобзая граниты сѣ-
дые!

Нынѣ, какъ прежде, ты блещешь волною кипу-
чей; — но тѣ ли

Думы, то ли веселье на душу мою навѣваешь?

Много свѣтлѣющихъ волнъ умчала ты въ дань
океану,

Много дней незабвенныхъ ушло въ безпредѣльную
вѣчность!
Помню тотъ сладостный вечеръ, когда надъ волнами твоими
Въ горькій часъ разлученья бродилъ я съ дѣвою милой:
О, какъ игриво, какъ шумно волнуясь, тогда протекала
Ты въ объятьяхъ высокихъ бреговъ и, казалось, съ любовью
Къ гордымъ гранитамъ ласкаясь, шептала имъ съ трепетомъ звуки,
Сладкіе звуки любви неизмѣнной; — и что же? ужь тучи
Мѣсяца ликъ покрывали въ трепещущей влагѣ, и втайнѣ
Мрачно-спокойное нѣдро твое зарождало ненастье!
Помню: вотъ здѣсь на устахъ, распаленныхъ любовью, пылали
Дѣвы коварной уста: убѣдительно, пламенно было

Полное нѣги ея лепетанье; — но то же ужь въ сердцѣ
Дѣвы обманъ зарождался, и перси измѣной дышали.

ВОРОЖБА.

Ночь; луна на снѣгъ сыпучій
Брызжетъ искры серебра;
На дворѣ морозъ трескучій,
Но тепла моя нора:
Съ трескомъ легкимъ и печальнымъ
Въ комелькѣ огонь горитъ;
Передъ нимъ въ платочкѣ спальномъ
Няня старая сидитъ.

Духъ волнуется тоскою...
Няня! завтра новый годъ!
Что-то добраго съ собою
Гость желанный принесетъ?
Знаешь, милая: нельзя ли
Воску яраго принесть,
Да про новыя печали
Года новаго развесть?

Съ приговорками, съ мольбою,
Загадай-ка обо мнѣ:
Что? останусь ли съ тобою
Я въ родимой сторонѣ?
Иль по чуждому велѣнью
Въ чужь далекую умчусь,
Или новой мирной тѣнью
Къ старымъ тѣнямъ поплетусь?

Или нѣтъ! зачѣмъ далеко
О судьбѣ своей гадать?

Что назначено жестокой,
Быть тому, не миновать...
Загадай-ка лучше, няня,
Не пройдетъ ли поутру
Завтра маленькая Таня
Здѣсь по снѣжному ковру?

Не блеснутъ ли мимо оконъ
Розы свѣжаго лица,
Не мелькнетъ ли русый локонъ
У тесоваго крыльца?
И въ восторгѣ, въ упоеньи,
Буду ль я въ ночной тиши
Цѣловать въ самозабвеньи
Очи дѣвицы-души?

Что же дряхлой головою
Ты насмѣшливо трясешь?
Полно, старая! съ тобою
Развѣ не было того жь?

Въ дни, когда была моложе,
Знала, вѣрно, ты мой свѣтъ,
Что восторга мигъ дороже
Полу-сотни скучныхъ лѣтъ!

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Лобзай меня: твои лобзанья
Живымъ огнемъ текутъ по мнѣ;
Но я сгараю въ томъ огнѣ
Безъ слезъ, безъ муки, безъ роптанья.
О жрица нѣги! Счастливъ тотъ,
Кого на одръ твой прихотливый
Съ закатомъ солнца позоветъ
Твой взоръ, то нѣжный, то стыдливый;

Кто на взволнованныхъ красахъ
Минутой счастья жизнь обманетъ,
И утромъ съ ложа нѣги встанетъ
Съ примѣтой томности въ очахъ!

ЦВѢТОКЪ

НА МОГИЛЫ УБИТЫХЪ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ.

Поэтъ.

Снова, орелъ величавый, на Сѣверъ родной прилетѣлъ ты!
Снова державный перунъ славой безсмертной горитъ!
Что же крылья твои запекшейся кровью чернѣютъ?
Или въ кипучемъ бою ранилъ невѣрный тебя?

*

Орелъ.

Нѣтъ! эта кровь не моя; эта кровь Россіянъ
убіенныхъ!
Тамъ, на побѣдныхъ поляхъ капли святыя
я взялъ.
Съ ними лечу я туда, гдѣ праотцы ваши вита-
ютъ:
Славный героевъ конецъ въ духъ ихъ веселье
прольетъ!

МОГИЛА ПОЭТА.

(*Посвящ. памяти Веневитинова.*)

Путникъ, узнай: здѣсь лежитъ Аонидъ вдохновенный питомецъ:

Грудь молодую пѣвца огнь вдохновенія сжегъ!

Путникъ! безсмертные дорого цѣнятъ небесъ достоянье!

Тяжко страдалъ Промеѳей, хищникъ святаго огня!

ГРОЗА.

Полночь; душно; тьма густая
Потопила небосклонъ;
Громъ гремитъ не умолкая,
Молній блескъ со всѣхъ сторонъ!
И природа, будто дѣва
Съ ядомъ ревности въ очахъ:
Ликъ въ огнѣ, взоръ полонъ гнѣва,
Громъ упрековъ на устахъ!

Съ тайной радостью взираю
На стихійный бурный споръ;
Въ звукахъ громовыхъ внимаю
Неба съ перстью разговоръ.
Любо мнѣ! Грозой природы
Заглушенъ въ груди моей
Вопль сердечной непогоды,
Голосъ скорби и страстей!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Какъ Іовъ, язвами покрытый,
На ложѣ смерти я лежалъ;
Одѣлись блѣдностью ланиты,
И взоръ, уже полузакрытый,
Какъ факелъ жизни догоралъ.
Лишенный силъ, безъ упованья
На благость Вѣчнаго Отца,
Я утопалъ въ волнахъ страданья
И, какъ желаннаго свиданья,
Ждалъ жизни ранняго конца.

Я погибалъ... Но вдругъ явился
Крылатый Ангелъ предо мной:
Надеждой взоръ его свѣтился
И ликъ одѣтъ былъ красотой.
И онъ съ привѣтною слезой
Къ страдальческому изголовью
Главой сіяющей приникъ,
И чистой дѣвственной любовью
И плоть и душу мнѣ проникъ;
Елея благости струею
Страдальца язвы окропилъ,
И милостью, какъ пеленою,
Меня болящаго повилъ.

И ожилъ я... Въ святомъ волненьи
Легко вздымалась грудь моя;
И долго, долго плакалъ я...
Ужь гость изчезъ... Но въ умиленьи
Цвѣла надеждою душа.

И я, восторгами дыша,
Взялъ лиру: звукъ хваленья чистый
Какъ вихрь пронесся по струнамъ,
И пѣснь, какъ ѳиміамъ душистый,
Взнеслась къ лазурнымъ высотамъ.

СОНЪ и СМЕРТЬ.

(Посвящ. Ивану Ивановичу Дмитрiеву.)

Утро вешнее дышало
Вдохновительной красой;
Сбросивъ ночи покрывало,
Все, казалось, оживало
Съ обновленною землей....
Вотъ воздушною стезею
Надъ юдолiю земною
Вѣютъ тихо, какъ весна:
Съ мирнымъ Ангеломъ кончины
Легкокрылый Ангелъ сна.

От дѣтей земной кручины
Ихъ зовутъ небесъ равнины,
Ихъ зоветъ любви страна.
Но стихаетъ шумъ творенья;
Слышенъ дивныхъ разговоръ:

Ангелъ кончины.

Братъ, откуда?

Ангелъ сна.

Изъ селенья,
Гдѣ навѣкъ смежилъ ты взоръ
Двумъ младенцамъ. Тамъ осталась
Мать, счастливая досель:
Грудь скорбящей разрывалась,
И отъ слезъ не осушалась
День и ночь ея постель.
И росою усыпленья
Сироту я окропилъ,
И мечтою обольщенья,
Какъ привѣтомъ утѣшенья,
Грусть потери утолилъ.

Снилось ей: въ селеньяхъ рая
Сонмъ безплотныхъ силъ кипитъ,
И средь нихъ чета младая
Словно звѣздочка горитъ...
Ты откуда?

Ангелъ кончины.

Изъ селенья,
Гдѣ съ фіяломъ изцѣленья
Не гостилъ я съ давнихъ поръ.
Тамъ, средь дѣтскихъ игръ, на волѣ
Прыгала малютка въ полѣ;
Я къ невинной: свѣтлый взоръ
Дѣва юная смежила,
На душистую траву
Тихо сѣла и главу
Мнѣ на перси опустила.
Жизнь потухла на устахъ;
Ужь не вспыхнетъ въ сердцѣ пламень...
Горсть земли, могильный камень, —
И покоенъ Эммы прахъ!

Ангелъ сна.

Какъ! и Эмма молодая,
Цвѣтомъ дѣвства разцвѣтая,
Міръ оставила земной!
О, какъ часто надъ тобой,
Дѣва милая, бывало
Я во мглѣ ночей леталъ
И мечтаній покрывало
То свивалъ, то развивалъ!
Свѣта дня, пролета ночи,
Мнилось, не видали очи,
Упоенныя тобой.
Что же нынѣ? Отлетѣла
Ты въ страну любви святой...
Но земля осиротѣла,
Разставаясь съ красотой!
Рано вѣкъ твой закатился:
Розы цвѣтъ весной увялъ.
Рано въ дребезги разбился
Всѣхъ утѣхъ земныхъ фіялъ!

Ангелъ кончины.

Такъ! Но отъ измѣнъ жестокихъ,
Отъ любовныхъ язвъ глубокихъ
Смерть невинную спасла.
Ей бѣдой судьба грозила, —
Но спокойная могила
Ей пріютъ отъ бурь дала.
Тамъ, гдѣ звучными струями
Ключъ серебряный журчитъ,
Подъ завѣтными дубами
Бездыханный трупъ лежитъ
Безъ волненья, безъ тревоги . . .
О, какъ разумомъ убоги
Тѣ изъ смертныхъ, чей языкъ
Порицать меня обыкъ!
Кто изъ жителей небесныхъ
Болѣе даровъ чудесныхъ
Имъ даетъ въ замѣну бѣдъ?
Братъ! Ты скорбь ихъ утоляешь
На мгновенье . . . Утра свѣтъ

Заиграетъ, — и полетъ
Ты къ эдему направляешь,
И несчастныхъ покидаешь
Вновь во власть земныхъ суетъ.
Я же дивно изцѣляю
Жизни тягостный недугъ;
Прахъ покоемъ облекаю,
И къ безсмертью пробуждаю
Смерти сномъ — нетлѣнный духъ!

Онъ умолкъ, и заблистала
Въ окѣ пламенномъ слеза
И съ высотъ на землю пала,
Какъ жемчужная роса...

Все въ природѣ оживало
Съ обновленною землей;
Сбросивъ ночи покрывало,
Утро вешнее дышало
Вдохновительной красой.
И крылатою четою

Тихо Ангелы неслись,
И за дальнею горою,
Вмѣстѣ съ утренней росою,
Съ пурпуромъ зари слились.

ПОЛЕТЪ ДУШИ.

Взгляни: вонъ тамъ, на острiѣ скалы,
Вздрогнулъ орелъ ширококрылой;
Пошелъ по небесамъ и воздуха валы
Разсѣкъ быстропарящей силой.
Вонъ средь небесъ
Понесся тише;
Все выше, выше...
И вотъ изчезъ.

Вѣрь : такъ душа , въ прощальный съ тлѣномъ день,

Въ своей темницѣ встрепенется

И , свергнувъ цѣпи въ прахъ , въ надсолнечную сѣнь

Орломъ державнымъ понесется.

Къ престолу благъ

Стезю отверзнетъ ,

И вся изчезнетъ

Въ его лучахъ.

---

*

НА СМЕРТЬ ДЕЛЬВИГА.

Спи, другъ благородный! Подъ грудью земли
Твой сонъ непробудный покоенъ:
Горячія слезы сердечныхъ друзей
Холодный одръ смерти согрѣли.

Не долго почетнѣйшимъ гостемъ ты былъ
На радостномъ праздникѣ жизни:
Прекрасный, возвышенный духъ твой не могъ
Удѣломъ земли оставаться.

И жители неба, ревнуя землѣ,
О смерти твоей умолили
Того, Кто для счастья земнаго облекъ
Одеждою тлѣнія духъ твой.

О, если бы слезы собратій твоихъ,
Съ утратой ихъ собственной жизни,
Могли оживить твой безчувственный прахъ
На радость и славу отчизны:

Какимъ бы потокомъ тѣхъ жизненныхъ слезъ
Твой трупъ оросилъ твой питомецъ!...
А нынѣ, какъ камень тяжелый, онѣ
Лежатъ на больномъ его сердцѣ.

И міръ для него навсегда опустѣлъ,
И грустенъ... грустнѣе могилы!
Одно утѣшенье въ надеждѣ святой
На сладкое *вмѣстѣ* за гробомъ!

С҄ любовію встрѣтит҄ он҄ день роковой
Святаго свиданья, и в҄ небѣ,
Как҄ Ангелы тонут҄ в҄ сіяньи Творца,
В҄ объятіях҄ друга потонет҄...

Б. С. М. Д — ГЪ.

Вдохновенъ моей утратой,
Я люблю, ночной порой,
Въ край надзвѣздный, въ край святой,
Улетать мечтой крылатой:
Въ безмятежномъ томъ краю
Я люблю игрой унылой
Въ сонмъ безплотныхъ огнекрылой
Проливать тоску мою.
Среди Ангельскаго хора
Бодръ и свѣжъ мой скорбный духъ;

Средь ихъ свѣтлаго собора
Есть и мнѣ знакомый Духъ.

Онъ не долго, въ лонѣ мира,
На пиру земномъ гостилъ:
Промелькнулъ, обворожилъ,
И изчезъ въ волнахъ ѳѳира...
Но когда въ страну чудесъ
Я помчусь: онъ надо мною
Лучезарною звѣздою
Улыбается съ небесъ...
Сномъ забудусь ли? Съ мечтами
Дней минувшихъ онъ слетитъ,
И горячими слезами
Щеки друга оросить.

МУЗА.

Восходомъ утра пробужденной,
Я поднялъ очи: надо мной,
Склонясь главою вдохновенной,
Вѣнкомъ лавровымъ осѣненной,
Стояла дѣва. Тишиной
Лице прекрасной озарялось;
Улыбка млѣла на устахъ,
И въ ясныхъ голубыхъ очахъ
Олимпа небо отражалось.
Изъ устъ кораловыхъ текли

Очаровательные звуки...
И звуки тѣ мнѣ въ грудь прошли
И, какъ цѣлебныя струи,
Въ ней утолили сердца муки...
И, упоенный, я узналъ
Богиню въ дѣвѣ вдохновенной,
И на привѣтъ ея священной
Слезой восторга отвѣчалъ.

И съ гаснущимъ лучемъ денницы,
Легка, какъ тѣнь, какъ звукъ цѣвницы,
Сокрылась Муза въ небеса...
Уже изчезла... Но слеза
Досель свѣжитъ мои зеницы,
Какъ животворная роса...
Къ поэту въ грудь, какъ небо въ волны,
Глядятся миръ и красота,
И полны словъ, и звуковъ полны,
Дрожатъ отверзтыя уста!

ДВА ДВУСТИШІЯ.

(*Изъ Шиллера.*)

I.

Къ Музѣ.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя, не знаю; но видѣть ужасно,
Какъ милліоны людей здѣсь прозябаютъ безъ Музъ!

II.

Младенецъ въ колыбели.

Крошка! теперь для тебя колыбель какъ небо просторна;
Но возмужай: цѣлый міръ будетъ тѣсенъ тебѣ!

ЛИЗАНЬКѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Желаньемъ сердца вдохновенный,
Пророкъ твоихъ грядущихъ дней,
Произношу глаголъ священный
Надъ колыбелію твоей.
О, вѣрь ему! Что сердце скажетъ,
То не измѣнитъ никогда:
Тебѣ прекрасный путь укажетъ
Твоя высокая звѣзда;
Не узришь ты поры ненастной,
Подъ гнѣвъ судьбы не подпадешь;

Красой лица, душою ясной,
Подобно матери прекрасной,
На радость кровнымъ разцвѣтешь;
Смиришь родной своей кручину,
И долготой счастливыхъ дней
За раннюю отца кончину
Воздашь друзьямъ семьи твоей!

ЗАМУЖНЕЙ ЕЛЕНѢ.

Отдавшись сладостному плѣну,
Краса твоя живѣй блеститъ;
Увидя новыхъ дней Елену,
Амуръ завидуетъ Гимену
И пальчикомъ ему грозитъ.

МИРРА.

Quae (Myrrha) quamquam amisit veteres cum corpore sensus,
Flet tamen, et tepidae manant exarbore guttae.
Est honor et lacrymis: stillataque cortice Myrrha
Nomen herile tenet, nulloque tacebitur aevo.

Ovid. Nas. Metamorph. Mirrha. v. 189.

(Посвящ. И. П. Хомутову и И. Д. Якобсону.)

Нѣтъ! самъ Эротъ отречется отъ язвы, которою страждешь,
Мирра! онъ защититъ отъ клеветъ свой чистый свѣтильникъ!
Знать, одна изъ трехъ сестръ вдохновенныхъ ужасомъ Фурій
Огнь въ твоемъ сердцѣ возжгла. Беззаконна къ родителю злоба:
Но страсть Мирры къ отцу беззаконнѣй стократъ! Отовсюду
Ищутъ вельможи руки твоей, юношей сонмъ благородный

Жаждетъ объятій твоихъ: избери изъ числа ихъ супруга,

Мирра! — Лишь да не будетъ въ числѣ томъ единый изъ смертныхъ!

Чувствуетъ Мирра свой стыдъ и противится гибельной страсти:

„Чѣмъ увлекаюсь я? что замышляю?« такъ восклицаетъ:

„Боги, разсудокъ и ты, о святость дочерняго долга!

„Васъ я на помощь зову: воспротивьтесь сему преступленью,

„Если любовь преступленье! — Но развѣ законы природы

„Страсть осуждаютъ мою? Не по нимъ ли, безъ тяжкихъ различій,

„Любитъ живущее все? И конь и волъ круторогій

„Ищутъ подругъ межь птенцами своими; родству не внимая,

„Рѣзвыя козы любятъ козлятъ своихъ; вольныя птицы

„Движутся тою же страстью по тѣмъ же уставамъ природы.

„О, какъ счастливы они свободою той! Человѣкъ лишь
„Создалъ тиранства законъ: завистливый, онъ отвергаетъ
„То, что природа даетъ! Но есть, говорятъ, поколѣнья,
„Въ коихъ мать сына, отецъ свою дочь пріемлютъ на ложе
„Брака, и связи родства любовью сугубой крѣпятся.
„О! для чего же, несчастная, я не родилась въ странѣ той!
„Мѣсто рожденья — вотъ Мирры вина... Но къ чему этѣ думы?
„Прочь отъ меня, рой преступныхъ надеждъ! Достоинъ любви онъ,
„Но какъ отецъ. Когда бъ не была я дщерью Кинира,
„Кто бъ воспретилъ мнѣ въ объятьяхъ его упиваться любовью?
„Но, бывъ родителемъ мнѣ, онъ моимъ быть не можетъ. На горе
„Намъ эта близость родства: безъ нея я была бы счастливѣй.

„Долгъ мнѣ велитъ бѣжать отъ отца, бѣжать отъ отчизны,
„Да не впаду въ преступленье; — любовь же нещадная проситъ,
„Жаждетъ взоровъ его, его ласкъ, его звуковъ волшебныхъ,
„Сладкихъ, живыхъ поцѣлуевъ, о большемъ и мыслить не смѣя!
„Или ты смѣешь желать еще болѣ, преступная дѣва?
„Хочешь, поправши и чинъ и святость дочерняго долга,
„Быть соперницей матери въ отчихъ объятьяхъ Кинира?
„Зваться сестрою дѣтей своихъ, матерью собственныхъ братьевъ?
„Или тебя не страшатъ этѣ дщери подземнаго ада,
„Кои, съ власами изъ змѣй, при блескѣ свѣточей адскихъ
„Ищутъ преступныхъ сердецъ? — Пока еще злу не причастна,
„Сердце свое укроти: да не будетъ кровосмѣшеньемъ

„Чистый уставъ естества оскверненъ! Но если бы даже
„Ты и желала сего, то вспомни: Киниръ благочестенъ.
„О, если бъ этотъ же огнь пылалъ и въ Кинировомъ сердцѣ!«

Такъ говорила. Киниръ между тѣмъ, не рѣшаясь, кого бы
Миррѣ супругомъ избрать изъ среды жениховъ именитыхъ,
Рѣчь съ ней о бракѣ завелъ, называя ей всѣхъ поименно.
Мирра, безмолвно взоромъ прильнувъ къ родителя лику,
Вспыхнула вся, и горячей слезой оросились ланиты.
Нѣжный отецъ, считая то знакомъ стыдливости дѣвства,
Дочь убѣждалъ, поцѣлуями слезы ея осушая.
Ласкою той оживясь: »Родитель!« Мирра сказала,
» Дай мнѣ супруга такого, какъ ты.« И Киниръ, не постигшій
Тайны коварныхъ тѣхъ словъ, выхваляль свою дочь, говоря ей:

— Вѣчно храни свою нѣжность ко мнѣ! — Но при этомъ отвѣтѣ
Дѣва склонилась челомъ, сознавая въ душѣ преступленье.

Часъ полуночи насталъ, и смертныхъ тревоги дневныя
Смолкли. Лишь Мирра одна, не зная покоя, сгараетъ
Страсти мятежнымъ огнемъ и волнуется яростной думой.
То безъ надеждъ, то снова съ надеждой въ груди: и стыдится,
И вновь желаетъ, не зная сама что начать. — Какъ сѣкирой
Дубъ-великанъ уязвленный, послѣдняго ждущій удара,
Окрестъ паденьемъ грозитъ, не рѣшая: куда устремится;
Такъ и она, волнуясь страстями различными, всюду
Ищетъ спасенія средствъ и колеблется въ выборѣ оныхъ.
Мирра! нѣтъ средства инаго любовь укротить кромѣ смерти!
Въ смерти спасенья ищи!... И выборъ рѣшенъ: уже Мирра,

Поясъ свой взявъ, прикрѣпляетъ его къ потолку—
и съ словами:

„Милый Кениръ мой, прости, и знай: отъ тебя
умираю!«

Шею лилейную дѣва въ ужасную петлю влагаетъ...

Тщетно! Лишь звуки отчаянныхъ словъ долетѣли до слуха

Вѣрной кормилицы, Мирры порогъ охранявшей,
старуха

Съ ложа возпрянула; дверь отпахнула, и съ ужасомъ видя

Смерти кровавый позоръ, огласила всю комнату
воплемъ;

Въ перси язвила себя, и изторгнувъ Мирру изъ
петли,

Поясъ въ куски разтерзала. Потомъ, со слезами
обнявши

Дѣву, молила открыть причину самоубійства.

Дѣва молчала, и въ землю вперивъ недвижныя очи,

Сердцемъ крушилась о томъ, что смерти вкусить
не успѣла.

Тщетно сѣдую главу и безмлечную грудь обнаживши,

Молитъ кормилица, памятью дѣтства ее заклинаетъ
Тайну отчаянья злаго открыть. На мольбы ея Мирра,
Взоръ отвративъ, отвѣчаетъ лишь стономъ. И снова старуха
Въ вѣрности клятву даетъ, говоря ей: »Дитя мое! Мирра!
Старость не всѣ мои силы взяла, и служить я готова.
Если ты любишь — то есть у меня наговоры и травы;
Если извелъ кто тебя, лишь скажи: и порчу сведу я;
Если же гнѣвъ то боговъ — я склоню ихъ на милость мольбами.
Что же скажу еще? Все при тебѣ: и богатство и знатность.
Въ счастьи, довольствѣ ведутъ свою жизнь твоя мать и отецъ твой.«
Мирра, при словѣ: отецъ, вздохнула глубоко и тяжко;
И хоть кормилица мыслью своей вполнѣ не постигла

Вздоха того, онъ ей ясно сказалъ, что прекрасная любитъ.
Въ твердомъ намѣреньи тайну узнать, она вымоляетъ
Дѣвы признанье, и къ тощей груди ее привлекая,
Въ слабыхъ объятіяхъ жметъ и такъ говоритъ ей: »Я вижу,
Вижу — ты любишь. Покинь же боязнь и повѣрь: я готова
Страсти твоей помогать; твой отецъ никогда не узнаетъ
Тайны твоей.« — Но Мирра, изъ рукъ ея изторгаясь,
Прячетъ лице, говоря: »удались, пощади свою Мирру!
»О, не требуй, молю, сознанія тайны ужасной!
»То, что ты жаждешь узнать отъ меня, не любовь—преступленье!

Ужасъ старуху объялъ: склоняетъ предъ дѣвой колѣна;
Руки, отъ страха и лѣтъ дрожащія, къ ней простираетъ;
Молитъ, ласкаетъ, и вмѣстѣ грозитъ объявить всему свѣту

Видѣнный ею позоръ, когда не откроетъ ей тайны;
Снова потомъ обѣщаетъ служить ея страсти сокрытой.
Дѣва подъемлетъ главу и потоками слезъ орошаетъ
Перси кормилицы: хочетъ сознаться во всемъ, но устами
Словъ не находитъ. Но вотъ, заслонивъ одеждою ликъ свой:
»Счастлива та, говоритъ, кто владѣетъ сердцемъ Кинира!«
Смолкла, рыдая... Кормилица внемлетъ, и съ тайной открытой
Трепетъ по членамъ ея охладѣлымъ стремится, и волосъ,
Инеемъ лѣтъ убѣленный, подъемлется дыбомъ, упругій!
Все, что на умъ лишь пришло, говоритъ она Миррѣ; весь ужасъ
Страсти ея представляетъ; — но Мирра, сама признавая
Истину словъ тѣхъ, желаетъ иль смерти... иль отчаго ложа.
»Мирра, живи! и владѣй!...« старуха сказала, не смѣя

Вымолвить слова: »отцомъ,« — и обѣтъ свой клятвой скрѣпила.

Въ дни тѣ былъ праздникъ годичный Кереры, въ который всѣ жены,

Въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одѣяньяхъ, богинѣ плодовъ приносили

Первенцы собственныхъ нивъ — вѣнки изъ колосьевъ жемчужныхъ.

Въ оные дни возпрещалось всѣмъ женамъ касаться мужчины

Цѣлыя девять ночей. Кинхреиса, супруга Кинира,

Купно съ другими на таинства тѣ удалилась изъ дома.

Вотъ кормилица дѣвы, застигнувъ однажды Кинира

Въ спальнѣ, виномъ упоеннаго, въ хитрыхъ рѣчахъ разсказала

Повѣсть истинной страсти подъ именемъ ложнымъ; хвалила

Дѣвы красу; на вопросъ же Кинира: сколько лѣтъ дѣвѣ?

Столько же, сколько и Миррѣ, сказала. Когда жь повелѣлъ онъ

Дѣву привесть, прибѣжала домой, восклицая: »Побѣда!

Радуйся, Мирра!« Но Мирра вполнѣ не могла насладиться
Вѣстію той: предчувствія злыя ей перси терзали.
Купно и радость и страхъ волновали тревожную душу!
Полночь была, и Боотъ, съ прямаго пути уклоняясь,
Быстро стремилъ колесницу свою въ средину Тріоновъ:
Часъ преступленья насталъ! За дальній сводъ неба скатилась
Цинтія; въ мантію тучь облеклись дрожащія звѣзды;
Ночь безъ свѣтилъ! и первый, спрятавшій ликъ свой, Икаръ былъ,
Съ нимъ Эригона, за нѣжность къ отцу вознесенная въ небо.
Мирра идетъ... Вотъ трижды споткнулась... вотъ трижды на кровлѣ
Филинъ, предвѣстникъ бѣды, простоналъ похоронную пѣсню.
Мирра идетъ — и полуночи мгла придаетъ дѣвѣ смѣлость;

Лѣвой рукой за кормилицу держится, правою ищетъ
Мракомъ одѣтой стези — и желанный порогъ передъ кими.
Двери отворены; входятъ въ покой... Отъ чего же трепещутъ,
Мирра, колѣна твои? Отъ чего холодѣетъ и стынетъ
Кровь въ твоихъ жилахъ, и въ дѣвственныхъ персяхъ дыханье спираетъ?
Мирра чѣмъ ближе къ злодѣйству, тѣмъ болѣ страшится, и каясь
Въ дерзости, хочетъ назадъ возвратиться, сокрытая мглою.
Поздно! кормилица, взявъ дрожащую дѣву, подводитъ
Къ ложу высокому, и повергая въ объятья Кинира,
»Вотъ она, дѣва твоя,« говоритъ и чету съединяетъ.

Принялъ родитель рожденье свое на одръ преступленья:
Дѣвства боязнь разогналъ, и ласками дѣву склоняя,
Дочерью милой ее называлъ (знать юности ради);

Мирра имя отца изрекла къ довершенью злодѣйства!

Съ отчаго ложа низшедъ, понесла беззаконная дѣва

Чревомъ преступнымъ плодъ преступленья... а съ ночью грядущей

Снова ложе отца осквернилось дочерней любовью.

Послѣ же многихъ ночей, когда пожелалъ онъ увидѣть

Дѣву, и факелъ свой взявъ, освѣтилъ имъ покой, — то увидѣлъ

И преступленье и дочь! — Съ сомкнутыми болью устами

Мечъ изъ висящихъ ноженъ изхитилъ несчастный родитель.

Но, сокрытая тьмой, избѣжала преступная Мирра

Стали меча, и покинувъ отеческій теремъ, скиталась

Въ дальнихъ странахъ пальмоносной Аравіи, въ вѣсяхъ Панхеянъ.

Девять ужь кратъ обновила луна серебристые роги —

И утомленная Мирра въ Сабейской землѣ отдыхала.

Плодъ преступленья ее тяготилъ. Не зная что дѣлать, —
Смерти страшась, скучая бременемъ жизни поносной,
Мирра прибѣгла къ богамъ: »О если, сказала, межь вами
»Есть божество, покаянью доступное — каюсь: достойна
»Я всякой казни... Но да собой не страшу уже болѣ
»Царства живыхъ и тѣней — изгоните меня изъ обоихъ.
Пусть, бытіе измѣнивъ, отложусь я отъ жизни и смерти.«
Есть божество, покаянью доступное; Мирры моленья
Вняло оно: и вотъ ужь земля разверзаясь, пріемлетъ
Ноги ея; изъ разбитыхъ ногтей прорываются въ почву
Корни кривые, опорой служа величавому стволу;
Кости, въ стволъ обратясь, сохраняютъ внутри свою мягкость;
Кровь превращается въ сокъ, а длани — въ широкія вѣтви;

Персты — въ тонкіе прутья, — и кожа твердѣетъ корою.

Вотъ ужь кора обхватила — плодомъ отягченное чрево,

Перси стянула и далѣе шла закрыть ея выю, —

Мирра медленья снести не могла, и судьбу упреждая,

Внизъ подалась, и прекраснымъ лицомъ опустилася въ стволъ свой...

Дѣва всѣ прежнія чувства утратила съ тѣломъ; но слезы

Миррѣ остались: горячей росой онѣ каплютъ изъ древа.

Капли тѣхъ слезъ драгоцѣнны: и древо съ слезящей корою,

Имя отъ Мирры пріявъ, не утратитъ во вѣкъ своей славы.

КЪ ***

ПРИ ПОСЫЛКѢ ТЕТРАДИ СТИХОВЪ.

Съ младенчества душой свободной
Я льстивыхъ пѣсенъ не слагалъ,
И идоламъ молвы народной
Даровъ Каменъ не предлагалъ.
Служилъ лишь божеству: и нынѣ
Несу тебѣ мои мечты,
Какъ вдохновительной богинѣ
Ума, любви и красоты.

ПСАЛОМЪ.

Безвѣрья тьмою омраченный,
Надъ адской бездной я стоялъ:
Мой духъ, страстями утомленный,
Какъ путникъ въ море занесенный,
Въ волнахъ сомнѣній утопалъ;
И Божій міръ груствѣе степи
Казался гаснущимъ очамъ,
И тяжко дни мои, какъ цѣпи,
Влачились по моимъ пятамъ...

Я гибнулъ... гибнулъ безъ возврата!
Но Онъ, Отецъ предвѣчный мой,
Питомцу буйнаго разврата
Простеръ лучъ милости святой.
Взыскалъ меня, и я со страхомъ
Предсталъ передъ алтарь Его,
Главу мою посыпалъ прахомъ
И осужденья своего
Ждалъ сокрушенною душою...
И Онъ смиренiе узрѣлъ,
И вѣры пламенной струею
Оледенѣлый умъ согрѣлъ;
Надеждой чистой и святою
Страдальца перси оживилъ,
И сердце, облитое кровью,
Омылъ нетлѣнною любовью
И къ новой жизни воскресилъ.
Очамъ далъ слезы умиленья,
И лиру смолкшую мою
Проникъ глаголомъ вдохновенья,

Да жизни полныя моленья
Ему во славу воспою.
И я пою... и съ струнъ смятенныхъ
Мольбы возходятъ къ небесамъ,
И Ангелы съ высотъ склоненныхъ
Внимаютъ пламеннымъ мольбамъ.

ЭЛЕГІЯ.

Не долго, съ тишиной сердечной,
По рощамъ Царскаго села
Бродилъ я, юноша безпечной,
И жизнь волною скоротечной
По ложу свѣтлому текла.
Не долго сны злашые лѣни
Съ улыбкой вились надо мной,
И, чуждый творческихъ волненій,
Не дологъ былъ души покой.
Пришла пора: Каменъ призывы

*

Я слухомъ чуткимъ уловилъ,
И вдохновенія порывы
Душою дѣвственной вкусилъ.
Казалось, жизнію двойною
Забилась грудь моя, когда
Огнемъ небеснымъ надо мною
Зажглась Поэзіи звѣзда:
О, какъ довѣрчиво, какъ жадно
За ней во слѣдъ помчался я,
И какъ мучительно-отрадно
Она тревожила меня!
То въ ужасѣ стихійныхъ споровъ
Являлась мнѣ, какъ нѣкій духъ;
То звуками незримыхъ хоровъ
Ласкала, чаровала слухъ,
И предъ очами разсыпала
Волшебныхъ образовъ черты:
Душа поэта ликовала
И, будто въ небѣ, утопала
Въ разливахъ радужной мечты...

Но гдѣ жь покой безпечной жизни?
Гдѣ беззаботность прежнихъ лѣтъ?
Увы! не внемля укоризнѣ,
Изчезли вы... остылъ и слѣдъ!
Лишь ты, небесъ благословенье,
Надежда, другъ-хранитель мой!
Лишь ты въ грядущемъ отдаленьи
Сулишь мнѣ дней былыхъ покой.
И вѣрю я: восторговъ муки
Мнѣ принесутъ желанный плодъ,
И эти образы и звуки
Одно созданье обоймегъ:
Душа съ покоемъ вновь сроднится
И въ томъ созданьи отразится,
Какъ небеса въ зерцалѣ водъ.

ЛИЗАНЬКѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Спи, младенецъ, сномъ прекраснымъ!
Надъ возглавіемъ твоимъ,
Отъ невзгоды безопаснымъ,
Наклонился ликомъ яснымъ
Среброкрылый Херувимъ.

О, повѣрь мнѣ: нѣжно любитъ
Онъ питомицу свою...
Стужа лиліи не сгубитъ:
Онъ взлелѣетъ, онъ взголубитъ
Юность сирую твою.

Но, крылатый небожитель,
Этотъ Ангелъ — кто же онъ?
То угасшій твой родитель:
Онъ слетѣлъ въ твою обитель
Усладить младенца сонъ.

Я узналъ его! Свѣтлѣетъ
Та жь любовь въ его очахъ;
Грудь восторгомъ пламенѣетъ
И улыбка нѣги млѣетъ
Въ гармоническихъ устахъ.

О, да будетъ же съ тобою
Онъ во вѣкъ! и ты пройдешь
Жизни путь добра стезею,
И вселюбящей душою
Небо на землѣ найдешь!

АНѲОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЕТВЕРОСТИШІЕ.

Гимны любви по внушенію Музъ въ тишинѣ я слагаю;
Но лишь о Дельвигѣ я грустную пѣснь поведу, —
Чувствую: слезы въ очахъ, животворнѣй вліянье безсмертныхъ...
Музы! знать память о немъ вамъ, какъ и дружбѣ, мила!

СТАТУЯ ПЕРЕТТЫ

въ Царскосельскомъ саду.

Что тамъ вдали, межъ кустовъ, надъ гранитнымъ утесомъ мелькаетъ,
Тамъ, гдѣ серебряный ключъ съ тихимъ журчаньемъ бѣжитъ?
Нимфа ль долины въ прохладѣ тѣней позабылась дремотой?
Вѣтви, раздайтесь скорѣй: дайте взглянуть на нее!
Ты ль предо мною, Перетта? — Тебѣ измѣнила надежда,
И предъ тобою лежитъ камнемъ пробитый сосудъ.

Но молоко, пролiясь, превратилось въ журчащiй
источникъ:

Съ ропотомъ льется за край, струйки въ до-
лину несетъ.

Снова здѣсь вижу тебя, животворный мой Генiй,
Надежда!

Такъ изъ развалины благъ бьетъ возрожденный
твой токъ!

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

Aurea prima sata est aetas....

Ovid. Nas. Metamorph. L. I. v. 89.

Перворожденный былъ вѣкъ золотой; не изъ страха къ отмщенью,
Доброю волею онъ безъ законовъ блюлъ честность и правду.
Казни и страха въ немъ не было; знаковъ угрозныхъ закона
Мѣдь не носила еще, и просителей сонмъ не страшился
Устъ судіи: безъ охраны въ тотъ вѣкъ безопасны всѣ были.
Съ горной своей высоты, къ посѣщенію чуждыхъ предѣловъ,

Сосна еще не сходила тогда на кристальныя волны:

Кромѣ своихъ береговъ, инаго не вѣдали люди.

Рвомъ крутымъ города опоясывать не было нужды;

Трубъ изъ мѣди прямой, и роговъ изъ согнутой мѣди,

Ни шишаковъ, ни мечей не имѣлось. Съ войной незнакомы,

Мысли спокойныя всюду раждали покой безмятежный.

Дѣвственной груди земли не терзали ни грабли, ни рало:

Нужное все сама по себѣ она приносила.

Пищей, безъ всякихъ усилій рожденной, довольные люди

То съ деревьевъ плоды, то съ горъ землянику сбирали,

Также и корнъ, и прильнувшую къ дикимъ кустамъ шелковицу;

Брали и жолудь, съ вѣтвистаго древа Зевеса спадавшій.

Вѣчной весной наслаждалась земля, и зефиръ тиховѣйный

Теплымъ дыханьемъ ласкался къ цвѣтамъ, не изъ сѣмени росшимъ.

Быстро земля, не разпахана бывъ, плоды приносила,

И безъ воздѣлки поля бѣлѣли богатою жатвой.

Рѣки иныя млеко, другія же нектаръ струили,

И изъ зеленаго ясеня капали желтые соты.

Послѣ, когда былъ Сатурнъ во мрачный тартаръ низверженъ,

Міромъ Юпитеръ владѣлъ; серебряный вѣкъ наступилъ съ нимъ,

Худшій златаго, но драгоцѣннѣйшій мѣднаго вѣка.

Въ оный Юпитеромъ прежнее время весны сократилось:

На зиму, лѣто, неравныя осени, краткія весны —

Такъ на четыре пространства разбилъ онъ теченіе года.

Тутъ впервые зноемъ сухимъ разпалившійся воздухъ

Вспыхнулъ: впервые вода сгустилась отъ вѣтровъ холодныхъ.

Люди въ жилища вошли: жилищемъ же были пещеры,

Или густые кусты и лозы, скрѣпленныя лыкомъ.

Въ вѣкъ тотъ впервые Церерино сѣмя въ браздахъ протяженныхъ

Было зарыто, и подъ ярмомъ волы застонали.

Первымъ изтекшимъ вѣкамъ послѣдовалъ третій — изъ мѣди,

Духомъ свирѣпый и болѣе склонный ко бранямъ ужаснымъ,

Но не злодѣйскій еще.

Послѣдній былъ твердый желѣзный.

Въ вѣкъ сей, изъ худшей руды сотворенный, ворвались незапно

Всѣ беззаконія; стыдъ же и правда и честность изчезли.

Мѣсто ихъ заступили тогда и обманъ и коварство,

Разныя козни, насильство и гнусная склонность къ стяжанью.

Парусъ по вѣтрамъ простеръ, хорошо ихъ доселѣ незнавшій,

Кормчій: и сосны, стоявшія долго на горныхъ вершинахъ,

Съ нихъ низошли, и корабль полетѣлъ по волнамъ незнакомымъ.

Землю, всѣмъ общую прежде, какъ нынѣ свѣтъ солнца и воздухъ,

Долгою гранью означилъ тогда межевщикъ осторожный.

Ужь не однѣхъ только жатвъ, не одной только пищи обильной

Требовалъ смертный въ тотъ вѣкъ отъ земли; но проникъ въ ея нѣдра:

То, что сокрыла она и къ Стигійскимъ приблизила тѣнямъ,

Было отрыто людьми, и богатствами зло поощрилось.

Вдругъ вредоносная сталь и ея вредоноснѣе — злато

Вышли: родилась война, губящая сталью и златомъ,

И въ окровавленной длани ея зазвенѣло оружье.

Стали хищеньями жить; скиталецъ врага зрѣлъ въ скитальцѣ,

Тесть въ своемъ зятѣ: и братьевъ любовь почиталась за рѣдкость.

Смертью грозили женѣ своей мужъ, супруга супругу;

Блѣдные яды суровыя мачихи смѣшивать стали;

Сынъ преждевременно началъ считать родителя годы;

Въ прахъ благочестье легло, и отъ странъ, дымящихся кровью,

Изъ небожителей дѣва-Астрея послѣдняя скрылась.

НОЧЬ.

Склонясь въ пучину спящихъ водъ,
Потухнулъ ясный день,
И на сапфирный неба сводъ
Легла ночная тѣнь.

Возженны въ лонѣ темноты,
Какъ очи Божества,
Взираютъ звѣзды съ высоты
На бездну естества.

И миръ и тишина вокругъ,
Какъ будто въ мглѣ ночной
Провѣялъ тихій Ангелъ вдругъ
Невидимой стезей;

И вотъ за нимъ сквозь облаковъ,
На землю съ вышины,
Віется сонмъ ночныхъ духовъ
Въ мерцаніи луны.

Вотъ низпустились, и летятъ
Вдоль нивы золотой,
И злаки томные поятъ
Живительной росой.

И я гляжу: и сладко мнѣ,
Питаюсь думой той,
Что тамъ, въ надзвѣздной сторонѣ,
Есть Промыслъ надъ землей;

Что въ свѣтѣ дня, во мглѣ ночей,
Хранимы Имъ во вѣкъ
И долній прахъ, и злакъ полей,
И червь, и человѣкъ!

МОЙ МІРЪ.

Души моей причудливой мечтой
Себѣ я создалъ міръ чудесной,
И въ немъ живу, дыша его красой
И роскошью его небесной.

Я въ мірѣ томъ, далеко отъ людей,
Отъ ихъ суетъ и заблужденій,
Обрѣлъ покой и счастье юныхъ лѣтъ,
Обрѣлъ тебя, творящій Геній!

Ты красотой, какъ солнцемъ, озарилъ
Мое созданіе, Зиждитель!
Ты ликами безплотныхъ, тайныхъ Силъ
Поэта населилъ обитель....

Я вижу ихъ: они передо мной
На крыльяхъ огненныхъ несутся;
Съ ихъ дивныхъ струнъ, съ ихъ свѣтлыхъ устъ рѣкой
Божественные звуки льются.

И звуки тѣ... все, что любовь таитъ
Въ себѣ высокаго, святаго;
Чѣмъ смѣлый умъ такъ радостно паритъ
Надъ бреннымъ бытіемъ земнаго, —

Все скрыто въ нихъ... и тайна райскихъ сновъ
И сладость пламенной надежды...
При нихъ душа чужда земныхъ оковъ,
Чужда земной своей одежды.

Такъ, свѣтлый міръ! въ гармоніи твоей,
Въ твоей любви я изчезаю,
И, удаленъ отъ суеты людей,
Земную жизнь позабываю.

Такъ сладкими напѣвами плѣненъ,
Въ дорогѣ путникъ одинокій,
Внимая имъ, стоитъ, забывъ и сонъ,
И поздній часъ, и путь далекій . . .

ЭРОТИЧЕСКІЕ СТАНЦЫ

Индійскаго Поэта Амару.

I.

Новобрачная.

»Онъ спитъ: усни и ты,
О милая подруга!«
Такъ сестры мнѣ шепнули
И скрылись отъ меня...
И я, съ чистѣйшей страстью,
Въ невинной простотѣ,
Тихонько приближаю
Уста мои къ щекѣ
Супруга молодаго...
Но онъ затрепеталъ,

И поздно я узнала,
Что юноша лукавый
Лишь сномъ притворнымъ спалъ.
О, какъ мнѣ стыдно стало!
Но милый незамѣтно
Разсѣялъ мой испугъ...

II.

Покорный любовникъ.

»И такъ, ужь рѣшено!
И ненависть смѣнила
Любовь въ груди твоей!
Пусть будетъ такъ, согласенъ!
Ты требуешь — и должно
Неволей покориться!
Но возврати, прошу,
Передъ разрывомъ нашимъ,
Всѣ ласки, всѣ лобзанья,
Мной данныя тебѣ!«

III.

Нетерпѣніе.

»О, если бъ знала ты,
Мой другъ, какъ ты прекрасна
Безъ этихъ покрывалъ!..«
И жадною рукою
Любовникъ ужь искалъ,
Играя разрѣшить
Ему докучный поясъ...
Межь тѣмъ рой юныхъ женъ,
Сопутствовавшихъ дѣвѣ
Къ убѣжищу любви,
Замѣтивъ огнь желанья,
Въ очахъ ея блеснувшій,
Спѣшатъ уйти; но прежде
Съ усмѣшкой хитрой шепчутъ
Ей на ухо совѣты,
Которые лукавство
Внушило ихъ устамъ.

IV.

Раскаяніе.

»Увы! зачѣмъ его
Не обвила я страстно
Объятьями моими?
Зачѣмъ, когда просилъ онъ
Простаго поцѣлуя,
Уста я отвратила
Отъ устъ его палящихъ?
Хоть словомъ, хоть бы взглядомъ
Отвѣтить мнѣ тогда...«
Такъ горько упрекаетъ
Въ холодности минувшей
Себя младая дѣва,
Живому сердцу коей
Сказалася любовь.

V.

Верхъ наслажденія.

Пусть въ лонѣ нѣгъ живѣйшихъ,
Когда власы ея
Взвѣваютъ въ безпорядкѣ,
Столь миломъ для очей,
И серги, въ быстрой встрѣчѣ
Ударившись, звенятъ;
Когда чело прекрасной
Жемчужною росою
Унизано слегка:
О, пусть въ сіе мгновенье
Любовница твоя
Къ тебѣ вдругъ обратитъ
Съ томленьемъ страстнымъ очи,
Усталыя отъ нѣгъ...
Скажи, счастливый смертный,
Что бо́льшаго и боги
Могли бы для тебя?

VI.

Затрудненіе.

Любовникъ наглый этотъ,
Котораго прогнала
Я отъ себя во гнѣвѣ;
Который столь жестокъ былъ,
Что скрылся въ тотъ же мигъ:
Коль съ наглостію новой
Воротится измѣнникъ,
Скажи, души подруга,
Что дѣлать мнѣ тогда?

VII.

Краснорѣчіе взора.

Сей взоръ, томленья полный,
Увлаженный любовью,
Полузакрытый часто;
То поднятый, то снова
Опущенный по чувству

Стыдливости безцѣнной:
Сей взоръ, который тайнамъ
Души твоей младой
Такъ сильно измѣняетъ, —
Скажи, о дѣва-прелесть!
Кто тотъ счастливый смертный,
На комъ ты удостоишь
Его остановить?

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛЪ.

Очи Черкешенки, бровь соболиная,
Диво рѣсницъ и ланитъ красота,
Шея перловая, грудь лебединая,
Прелесть - улыбка и роскошь - уста!

Съ вами Поэтъ никогда не разстался бы!
Въ васъ воплощенъ думъ его идеалъ:
Вами день цѣлый онъ все любовался бы,
Цѣлую ночь онъ о васъ бы мечталъ!

ВОКЛЮЗСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Сонетъ.

На берегу, Воклюзою кропимомъ,
Отъ бурь мірскихъ Петрарка отдыхалъ;
Забывши Римъ и самъ забытый Римомъ,
Онъ здѣсь одной любовію дышалъ.

Здѣсь въ тайномъ снѣ Лауры идеалъ
Мелькнулъ предъ нимъ безплотнымъ Херувимомъ,
И съ устъ Пѣвца, въ размѣрѣ имъ любимомъ,
Роскошный стихъ понесся, зажурчалъ.

И сладость дум и звуков сочетанье
Воклюзскій ток далече разносил,
И навсегда с своим журчаньем слил:

Пришелец, вняв Воклюзы лепетанье,
Досель еще, задумчив и уныл,
В нем слышит грусть, любовь и упованье.

ПОЭТЪ и ПЕРО.

Поэтъ.

Прочь отъ меня, охладитель докучный! Думъ смѣлыхъ исполненъ,
Только возьмусь за тебя, — ты мой удержишь полетъ!

Перо.

Гордо въ крылѣ лебединомъ парило я прежде по небу;
Ты меня силы лишилъ: тѣмъ же отмщаю тебѣ!

КЪ МЛАДЕНЦУ.

(Посв. А. Н. Хомутовой.)

У лона родимой, младенецъ прекрасный,
Лежишь ты съ улыбкой на алыхъ устахъ,
И тайныя думы порой осѣняютъ
Чело молодое твое.

О чемъ же тѣ думы? О небѣ ли ясномъ,
Глядящемся въ свѣтлыя очи твои?
О жизни ли той, когда духъ твой, какъ Ангелъ,
Виталъ въ неземной сторонѣ?

Пришелецъ недавній въ обитель земную,
Ты любишь стремиться къ отчизнѣ святой,
Отверзтой для взоровъ невинныхъ младенца,
Сокрытой отъ мужа очей.

Ты видишь всю роскошь надзвѣздныхъ селеній,
Ты видишь тамъ Ангеловъ, братій твоихъ...
Вглядись: для тебя есть знакомыя лица
Въ ихъ свѣтлой, крылатой семьѣ.

Они приглашаютъ улыбкой умильной
Твой духъ непорочный въ жилище утѣхъ:
И взоръ твой горитъ, и отъ сладкихъ привѣтовъ
Какъ пурпуръ ланиты твои...

Любуйся же небомъ, младенецъ прекрасный!
Любуйся имъ долго... и въ сердцѣ твоемъ
Его затаи, какъ священную тайну,
Какъ лучшій залогъ отъ Творца.

Настанутъ мгновенья... гроза забушуетъ...
Но небо, сокрытое въ сердцѣ твоемъ,
Мелькнетъ предъ тобою — и громъ не разсѣетъ
Священныхъ о родинѣ сновъ!

Конецъ.

Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб.